

ГЕРОИ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Век. Москва, -1994, -24 сент. - с. 7.

Каждый писатель работает по-своему. Один сидит за письменным столом и пишет от руки или печатает на машинке, другой стоит у конторки, третий диктует секретарше, вышагивая босиком по комнате городской квартиры или дачной с окнами на огромную клумбу для близости к природе, а потом выправляет текст.

О том, что у каждого писателя получается в результате такого творческого процесса, судит потом читатель. Кстати, ему же, читателю, принадлежит и афористическое высказывание, родившееся в послевоенные годы: прежде писали гусиным пером вечные мысли, теперь пишут вечным — гусиные.

А как же работал Николай Островский, тяжело больной и ослепший? 29 сентября исполняется 90 лет со дня его рождения.

Лежа в постели. Поначалу, используя самодельный транспарант из картона, выводил неровные строчки, а потом стал диктовать...

Так был создан роман «Как закалялась сталь», ставший поистине настольной книгой поколения, которому суждено было спасти Родину, выйти победителем из смертельной схватки с фашизмом в Отечественной войне. Эта книга воспитала мужественных, стойких, убежденных борцов, для которых счастье и благополучие Отечества были превыше всего.

Ретивые хулители, не знающие чести и совести, не отдающие себе отчета в слепой ненависти ко всему советскому, изображают Островского совковым героем, чуть ли не символом строя, ставшего средоточием смертельного зла, его устроителем и апологетом. Между тем он сам, если вдуматься и су-

дить объективно, — такая же жертва системы, как и все мы. Жертва великого обмана, для которого ловко использовали и его. Стало это ясно, как и многое другое, лишь теперь в результате всеобщего прозрения. Нужно только радоваться, что такой нравственно чистый, бескорыстный человек, как Николай Островский, не дожил до позорного краха того, чему поклонял-

быть предельно точным в жизненной правде.

«То, что есть в моей памяти от давно прочитанного, виденного и слышанного, недостаточно для основы политического романа, — писал он в одном из писем. — Нужно прочесть все заново, подумать и обобщить».

Но самое интересное представляли собой экземпляры машино-

который может и желает исправить свои недочеты... Критика меня не дезорганизует. Наоборот, она скажет мне о том, что я нахожусь в кругу друзей, которые помогут мне вытянуть тяжесть... Мне есть чему поучиться у вас».

Доброжелательный, бескорыстный, он и в других хотел видеть и видел эти качества.

Стенограмма сохранила выступ-

более точно выражало бы нужный ему смысл. Он стремился, чтобы жесты, мимика, манеры точно соответствовали характеру человека. От него не ускользнули даже такие мелочи: «нафабранные» усы полковника. Фабрили усы лишь нижние чины, а высшим импонировала седина. Усы у полковника стали «холеными».

За месяц Островский учел все рекомендации и поправки. Ни одна не осталась без внимания. Он понимал, что исходят они от опытных литераторов, заинтересованных в улучшении текста, повышении художественных достоинств романа. Вместе с тем он часто находил еще более удачный вариант, соответствующий и общей тональности, и данному персонажу.

Большое внимание уделял писатель прямой речи, добиваясь, чтобы она точно отвечала психологии, темпераменту, настроению человека, его социальному положению. Значительной обработке подверглись высказывания, в частности Раевского. Из них были устранированы просторечия. В языке Эдварда сглаживалась резкость выражений...

Поставив последнюю точку, Островский написал письмо матери:

«Сейчас все это позади. Я устал безмерно...»

Через неделю писателя не стало. Это было его последнее письмо.

Илья ОКУНЕВ,
член Союза литераторов России

Картина
С. ВИКТОРОВА.

ления участников совещания: Е. Файнберга, В. Ставского, М. Колосова, В. Герасимовой, А. Серафимовича, Н. Асеева, А. Фадеева, И. Бачелиса, Е. Усиевича и других. Оно было закрытым и гласности в ту пору предано не было. Его единственным свидетельством осталась стенограмма, которую многие годы тщательно протали. В заключение Островский сказал тогда:

«Сейчас мне в основном понятны недостатки книги... Завтра я отдохну,

позволю себе такую роскошь, а послезавтра еще раз ознакомлюсь с вашими замечаниями и начну работать над теми местами, которые требуют переделки... Для этого нужно 3 месяца, но, работая в три смены, можно сделать за один месяц... Один лечится тем, что отдыхает, другой лечится работой...»

И он сдержал свое слово. Сам дорабатывал рукопись. Считал это делом своей писательской чести. Упорно и настойчиво искал он то единственное слово, которое наи-

писного текста романа, который писатель разослал известным литераторам и критикам, чтобы они ознакомились с рукописью и внесли в нее свои замечания.

15 ноября 1935 года в квартире Островского у его постели состоялось заседание президиума Союза писателей и обстоятельное творческое обсуждение рукописи.

«Давайте поговорим о моих ошибках, — сказал Островский, обращаясь к собравшимся... — Прошу отнестись ко мне, как к бойцу, ко-

НЕ ОПИНИМАЙТЕ ОСТРОВСКОГО!

ся, во что беззаветно верил. Для него это было бы страшным ударом...

Когда в свое время передо мной, студентом филологического факультета МГУ, встал вопрос о теме дипломной работы, я выбрал творчество Николая Островского. Причем вполне конкретную тему: «Работа над романом «Рожденные бурей».

ЦГАЛИ предоставил мне, разумеется, по соответствующему отношению из МГУ все материалы, связанные с работой писателя над романом «Рожденные бурей». Это был обильный список литературы, которую Островский заказывал в библиотеках для обстоятельного изучения среды обитания его будущих героев из польской аристократии, а также общественно-политических событий того времени, которое решил показать: 1918–1919 годы. В том числе «Первая Конная армия на польском фронте», «Записки о гражданской войне» Антонова-Овсеенко. Он скрупулезно вживался в материал, чтобы

Островский Николай

27.9.94.

20